

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
I. «Китайская стена» посреди Европы.....	7
II. Восток, увиденный с Запада	10
Образ Востока	10
Мы были плохими шведами.....	14
Оставшиеся на несправедливой стороне границы.....	19
III. Часть Запада на Востоке	28
Когда оказались финнами	28
Новозавоеванная страна глазами русских.....	35
Выстрел в ночи.....	41
Пушкин как символ России	47
Рунеберг и Пушкин.....	52
Я. Аренберг и тень России.....	54
Яков Грот и финляндско-российское сближение.....	60
«Ложный» патриотизм Й.Л. Рунеберга	64
В качестве туриста в Петербурге	79
Финляндия Веры Желиховской.....	87
Толстой в Финляндии и в России.....	91
Россия Арвида Ярнефельта.....	99
IV. Подальше от Востока	103
Великое княжество и российский народ	103
Независимость Финляндии	107
Революция — великий водораздел	113
Петербургские недоброжелатели.....	124
Финны в Восточной Карелии.....	129
V. Угрозы с Востока и Запада.....	137
Избранный народ и земля обетованная	137
Русофобия и классовая ненависть: модные идеи одного времени.....	144
Защитники российской западной границы, или Как поменялись роли.....	153

Нотный кризис, добродетель и ватник	155
Неверно прочитанная история Зимней войны, или Как Финляндия потеряла Восточную Карелию	157
За что сражались в Зимней войне?	161
Контрудар империи	168
Информация и мнения в национальной памяти	172
VI. Когда Запад пришел на Восток	177
Флагеллантизм культуры	177
Отличает ли национальный характер Россию от Запада?	187
Пошлость	194
Реальный социализм Востока и культурная революция Запада	198
Россия снова на распутье?	202
Снова модернизация	207
Снова возврат Карелии?	212
Имя России	215
Девушки, розы и история	219
Lunatic Fringe и бренд «Финляндия»	225
Дух свободы и отношения с Востоком	231
Исчезновение «китайской стены»	236
Литература	243

Предисловие к русскому изданию

Это книга — собрание исторических эссе. Речь идет не об исследованиях в прямом смысле слова, а о попытке установить, какое значение на самом деле исторические исследования и их результаты имеют и могут иметь для нашего понимания известных вопросов истории. В центре внимания — тема культурной границы между финским и русским народами. Из тысячелетней истории внимание уделено прежде всего двухсотлетнему периоду — со времени присоединения Финляндии к Российской империи в 1809 г. до наших дней.

Материалы книги были изданы ранее на финском языке под названием «Восточная граница исчезает». Она была написана для финской публики, и в ней, как и следовало ожидать, содержалось много такого, что для русского читателя было бы непонятным. Поэтому некоторые эссе, которые были в финском издании, не входят в русский вариант. Те, которые в нее вошли, публикуются без серьезных изменений. Русскому читателю понимать их смысл может иногда быть нелегко, но я считаю, что такой подход вполне уместен — читатель получает возможность взглянуть на то, как некоторые темы рассматриваются в современном финском дискурсе.

Переводчик, д.и.н. Александр Рупасов привел некоторые ссылки там, где они будут особенно нужны для русского читателя. В конце книги представлен список литературы, который поможет читателю видеть, на какие книги в тексте ссылается автор. Ряд тем

настоящих эссе уже затрагивались мною в опубликованных на русском языке книгах «Внутренний враг» и «Сталин и финны».

Благодарю всех, кто оказал помощь в публикации этой книги. Я искренне надеюсь, что и это произведение может внести хотя бы скромный вклад в великое дело дружбы наших народов и способствовать взаимному пониманию.

Хельсинки, 20 февраля 2012 г.

Тимо Вихавайнен

Профессор истории России

Университет Хельсинки

Мотто:
От любви к Финляндии и к России

I

«Китайская стена» посреди Европы

«Прошлое не мертво. Оно даже не прошло». Известное изречение Уильяма Фолкнера истинно по сути и действительно в отношениях между странами и народами. Отношения России с соседями представляют собой хороший пример властвования прошлого в современном мире. Польша для России — вековой враг. С точки зрения России, она представляла опасность, угрожавшую исконной основе нации, православной вере. С точки зрения Польши, Россия — угнетатель, удерживавший нацию в тюрьме полтора столетия и затем еще несколько десятилетий пытавшийся насильем уничтожить ее национальное бытие. В странах Балтии Россию считают оккупантом, стремящимся уничтожить нации, растворив их в себе.

Швеция и Дания столетиями вели нескончаемые войны, пока Швеция не смогла отобрать у соседа территории на северном побережье Эресунна и освоить их. Денационализация шла достаточно быстро, хотя вначале мятежные движения и пытались изменить ход процесса. Единая вера и почти общий язык послужили хорошими отправными пунктами для удачного грабежа. Никто уже не требовал возвращения Сконе Дании. Это прошлое действительно стало прошлым.

Финляндия не напоминает ни Данию, ни, тем более, Польшу или Балтию. Наше развитие было индивидуальным, единственным в своем роде. Периоды русской оккупации в XVIII в. были недолгими, хотя и драматичными. Для всей истории наших восточных отношений исключительное значение имело то, что Финляндия

не была русифицирована. Народы не смешивались, национально-го покорения удалось избежать. В действительности Финляндия покорила своего гигантского соседа, оккупировав в период войны-продолжения часть его территории. Карелию дважды уступали России в 1940-х гг., после того как в 1811 г. она была возвращена Финляндии, но в обоих случаях — без населения. Финны и русские оставались обособленными друг от друга.

Да, Финляндия более сотни лет принадлежала Российской империи, но, несмотря на это, никогда не была объединена с Россией. Между народами сохранялась та граница, образ которой уже в XIX в. хорошо передавало часто используемое выражение — «китайская стена». Серьезной проблемой в отношениях Финляндии и России, а также финнов и русских была не враждебность, а инаковость. В отдельные периоды истории различие подпитывало враждебность, но, в конечном счете, оно также способствовало ослаблению враждебности. В довольно гомогенной в этническом отношении Финляндии почти не было напряженности в отношениях национальных групп.

Ирония истории заключалась в том, что на протяжении столетий русских в Финляндии — в результате *ежовой* обороны финнов — в конце XIX в. было всего примерно шесть тысяч, а в 1970-х гг. — около двух тысяч. Невероятная ситуация, если учесть, что речь идет о тысячелетнем соседе, который находился отнюдь не за тридевять земель. Это удивительно и по той причине, что великая Россия время от времени пыталась насильственно поколебать обособленность Финляндии.

Замысел данной книги состоит в том, чтобы рассмотреть с обеих сторон — как со стороны Финляндии, так и со стороны России — отличающие их особенности культуры: как Россия виделась в Финляндии, но также и как Финляндия виделась в России. Граница между этими двумя странами нередко считалась непреодолимой. Известный политолог Самуэль Хантингтон считал ее частью восточной границы культуры западного мира. В этом он не был одинок.

Исключение, впрочем, подтверждает правило. Часть «Востока» за столетия прошла через наш дом на «Запад», а часть «Запада» — на «Восток». Давняя граница лютеранского и православного миров оказалась сломленной, и западная монокультура утратила свою целостность в 1617 г., когда Швеция захватила у ослабленной России территории современной Северной Карелии и Ингерманландии. В религиозном отношении, не говоря уже о языковом, Великое княжество не являлось еще полностью

гомогенным, но отличие родины в любом случае было очевидным и разительным для большинства населения. В 1917 г. Великое княжество почти во всех отношениях представляло собой отдельное и готовое стать независимым государство, хотя многих страшил этот последний шаг. Окончательное отделение как от России, так и от русских, прихотью судьбы, произошло исключительно резко и основательно. В течение последующего столетия имело место немало перемен, но граница между народами все еще сохраняется и воспринимается все более серьезной, хотя «огромная пропасть в уровне жизни» ушла уже в прошлое.

В этой книге будет предпринята попытка ответить на вопрос, что в действительности представляет собой эта граница, какое она оказывает влияние и как она формировалась и изменялась с течением времени. Именно сейчас есть причина задать себе вопрос — исчезнет ли эта тысячелетняя граница в наше время.

Одна из главных целей книги — рассмотреть те изменения, которые принесли социальные и культурные революции последнего столетия и которые сказались на наших подходах к исследованию истории и культуры. Излишне говорить, что развитие в Финляндии и России было разновременным, что оно имело особо важное значение для каждой из сторон. Уже одно это порождало труднопреодолимую пропасть. Поэтому важен вопрос, на чем это основывалось.

Эта книга не претендует на то, чтобы быть научным исследованием, хотя в ней и комментируются исследования. Она, скорее, представляет собой эссе, и ее основная цель заключается в том, чтобы отыскать и изучить оставленные без внимания взгляды, объяснить результаты исследований и заново прочесть забытые документы минувших времен. Двести лет — достаточно продолжительный период, чтобы можно было сделать обобщенные выводы в отношении перспектив и альтернатив прошлого, выводы, над которыми следует, по крайней мере, поразмышлять, но которые, по разным причинам, остались в стороне.

В книге также использованы и развиты ранее опубликованные в журналах *Kanava* и *Politika* статьи, поскольку они релевантны для этой книги.

II

Восток, увиденный с Запада

Образ Востока

Эта книга имеет немного общего с физической географией. Ее объект — культурный Восток или, точнее, соотношение его и Запада в области культуры, прежде всего, при взгляде с финляндско-русского рубежа. Однако и культурные горизонты имеют коннотации с физической действительностью. Наша страна географически расположена довольно далеко на востоке, если путешествовать из центра Европы. Однако быть Востоком мы не желаем.

У горизонта есть свой образ. Север — холодный, юг — более теплый, запад — большой и обширный, Восток... многообразный. Восток в истории западных стран приобрел особое значение. Свободе Греции угрожали катящиеся с востока военные орды. С Востока пришли Атилла и Чингисхан, Сулейман и Тамерлан. Оттуда пришли арабы и турки, татары, калмыки и казаки. С Востока приходят в Европу холодные воздушные массы, снежные бури и стужа. Помимо них приходят иногда также тепло и жара, но о них мы легко забываем.

Когда оценивают культуру западных стран, то подчеркивают также то, что она всегда была вынуждена противостоять опасности проникновения с Востока. Победы при Пуатье, на Католаунских полях, под Веной и во многих других местах, служившие подтверждением многовековой традиции, оградили западные идеалы свободы, права и правды от опасностей с Востока. Этот взгляд, который

отнюдь не является бесосновательным, через школу передавался из поколения в поколение. При этом становилось очевидным, что азиатское общество должно было традиционно восприниматься как попирающая право тирания. За тысячелетия тирания меняла свои формы, но всегда представляла как нечто противостоящее Западу с его идеалами. Разумеется, на этом аспекте особенно акцентировалось внимание в приграничных странах, от Финляндии до Балтии, от Польши до Балкан.

Географически особые черты Востока вполне логичны: на материке зимы суровые и холодные, море не смягчает их своим дыханием. Солнце, правда, встает на Востоке, но сияет там только в утренней стуже. Латинское слово *oriens* означает также «начало», как и русское «восток». Немецкое *Morgenland* указывает на направление, где светит по утрам солнце. В китайском языке Япония обозначается словом *Ri-ben*, буквально «начало солнца». Этимология обозначающего восток слова *dong* (*dong-fang*) более туманна, но в иероглифическом знаке, обозначающем его, присутствуют дерево и восходящее над ним солнце. Солнце поднимается из-за деревьев. В финском языке слово *itä* («восток») родственно *itäminen* («прорастание») — иными словами, солнце прорастает, поднимается из земли. Английское *east*, пожалуй, восходит к индоевропейскому слову *hausos*, из которого возникло древнегреческое *eos* — богиня зари, об *Eos purppurasormi* («пурпурном персте Эос») писал вдохновленный античной традицией финский поэт В.А. Коскенниemi¹. Классическая античность присоединяла и нас к Западу, и эта традиция парадоксальным образом процветала в Финляндии еще тогда, когда в римской Европе она уже увядала.

На самом деле, «запад» как слово по своему значению более печально и слабосильно, чем «восток», т. к. указывает на конец, уход, гибель. Латинское *occidens* означает «заход», «забытье», так же как и русское «запад». Немецкое слово *Abendland* волей-неволей таит в себе более печальный отзвук: за сумерками наступает неизбежная ночь, только после которой когда-то придет высокий полдень. Русское «запад» родственно слову «западня», означающему ловушку, силоч: иными словами, капкан, в который попадают («падать»).

В финской литературе и в национальной памяти Восток прочно связан с угрозой нападения: «полыхающему на Востоке»,

¹ Вейкко Антеро Коскенниemi (до 1906 — Форснес) (1885–1962) — финский поэт, журналист, профессор литературы, академик. В данном случае имеется в виду его эпитафия «*Sotilaan hauta*».

накатывающемуся лавиной «отвратительному Востоку» надлежало сопротивляться. Юго-восток является только гипонимом и приобретает от него свое значение и оттенок: «красно палит юго-восток, кровь, огонь он предвещает».

Ориентированные на Запад отношения финнов с Востоком, разумеется, неустранимы из национального предания. Пожалуй, вершину национальной памяти представляют собой строки из стихотворения Уно Кайласа¹ 1931 г.:

Впереди Азия — Восток,
Позади — Запад и Европа.
Ее оберегаю, я, страж.

Перемены в восточной политике, разумеется, влекли внесение политических корректив в оценки Кайласа, и по прошествии двух десятилетий его стихотворение считали скорее забавным примером бывшей глупости, не задаваясь вопросом, в какой ситуации он написал его. Эти слова не были пустым брэнчанием, а били ключом, когда ГУЛАГ по ту сторону границы являлся действительностью.

У восточных стран своя оценка. Восток всегда был экзотической стороной света. Восточная мудрость — понятие само по себе. Три восточных мудреца пришли с той единственной стороны света, где мистика и тайные знания, с точки зрения Европы, всегда уживались в сумрачных потаенных местах таинственного Востока. А их действительно развивали там, так что речь не идет о где-то там специально выстраиваемом «ориентализме». Восточная мудрость иная, чем западная, она скорее выражает не холодный *ratio*, а мистический *logos*, она связана не с рассуждениями, а с высшей божественной (именно со строчной буквы, а не с прописной) мудростью, которой рационалистичный западный человек очень часто чуждается.

Хотя солнце встает на востоке, оно светит на западе тогда, когда сам восток остается во мгле. Едва ли будет несправедливым считать, что восток в душе очень многих связан также с известным представлением о непроницаемости и беспросветности.

В одной газете любителей лодочного плавания некий читатель предложил как средство запоминания для опознания восточного бакена красить его преимущественно в черный цвет, в отличие от западного бакена: если это помнить, то ошибки не допустишь — на востоке ведь нет светлого, там все сумрачное, считал создатель

¹ Уно Кайлас (Франс Уно Салонен) (1901–1933) — финский поэт, писатель, переводчик.

идеи. Идея родилась в последнее десятилетие XX в. при совершенно определенных обстоятельствах, но схожую оценку ее автор мог бы дать также и сотню, и две сотни лет тому назад, понимание дела не доставило бы финнам затруднений.

Но где проходит граница между Востоком и Западом? Разумеется, за исключением полюсов глобуса, нет такого места, откуда нельзя было бы пойти как на восток, так и на запад. На Украине и в Сибири важно уточнять, на востоке или на западе. В Финляндии различие между востоком и западом так же существенно. Существенной в Финляндии является также принадлежность к Западу, хотя страна располагается географически восточнее, чем бывшие восточноевропейские страны, которые ныне называют Центральной Европой.

Являлась ли имеющая большое значение граница между Западом и Востоком и, пожалуй, всей мировой истории важная внутренняя пограничная линия восточной границей Европы, каковой с XVIII в. считались Уральские горы и река Урал, Кавказский хребет, Черное море и турецкие проливы? До XVIII в. особо не размышляли о том, что граница Европы проходит где-то в ином месте, а не в области Черного и Средиземного морей, в которой различие между Европой и Азией ощущалось еще с античных времен, хотя часть Азии принадлежала к сфере западной культуры.

Только в XVIII столетии Европа получила точную, несколько искусственную линию границы, заключающую в себе также часть России, государства, которое Петр Великий целеустремленно и упорно вводил в Европу. Эта граница была, однако, довольно фиктивной и произвольной. Политически российское государство уже с XVI в. простиралось за Уральский хребет в Сибирь. Географически степи Азии простирались далеко к западу от Урала, и сегодня часть их — на территории Казахстана западнее от Урала. Географическая граница между Европой и Азией — проведенная по воде линия. Любящая классификации и проведение границ эпоха вынуждена была в любом случае отвечать на вопрос, где проходит граница частей света, и тем самым устанавливать межвые знаки. Уточнение границы культур — еще более сложная проблема, и в разные периоды разные народы решали ее по-разному. Существенной проблемой при этих начертаниях границ оказывалась Россия, которая в европейском культурном контексте всегда помещалась на «востоке», хотя она также в значительной степени была европейской, по крайней мере, последние три сотни лет. Финляндия, Польша, государства Балтии хотели быть на Западе,

хотя они в известные исторические периоды оказывались на «востоке» именно благодаря России. Все это в целом касается всей так называемой Восточной Европы и тех территорий, которые ныне именуются Центральной Европой.

Когда после распада Советского Союза запретили говорить о «Восточной Европе» или, по крайней мере, о вхождении Польши и других стран, ранее являвшихся членами Варшавского блока, в эту область, политическое значение этого переворота превосходило чисто политический уровень и охватывало также культурную или даже метакультурную сферу. Если прежние «народные демократии» не являются сейчас частью «Восточной Европы», то это означает, что они по своему духу более часть не «Востока», а Запада. И это происходит только потому, что они сами хотят быть иными, чем «Восток», где добровольно, кажется, остается только Россия. Граница между Востоком и Западом — теперь восточная граница бывших восточно-европейских стран, т. е. граница между ними и Россией.

Мы были плохими шведами

Пропасть между Востоком и Западом была глубокой уже в Средневековье, это ощущалось и на Севере Европы. Нам это известно, но что касается истинного состояния дела, то мы способны только строить предположения в той степени, в какой мы можем понять дух эпохи. Этот период не может осмыслиться в понятиях политической корректности, уровня жизни и разницы в уровне жизни, или прав человека, или даже блага и счастья. Очевидно, что в жизни разных групп людей разные дела играли важную роль, но религия, Бог и церковь у всех стояли на первом месте. Богохульники, правда, всегда сидели на своих скамьях, но без Бога не было ни жизни, ни смерти.

О сущности средневековой границы между Россией и Швецией есть специальные исследования, которые свидетельствуют о заглушающей все дело нормальной практике в этой сфере. Впрочем, ясно одно: жившие по другую сторону границы люди, с точки зрения современников, были осуждены на геенну огненную, тогда как путь на небеса в принципе был уготован только жившим по эту сторону границы. Церкви проклинали друг друга, остававшиеся вне церкви утрачивали надежду на спасение. *Extra ecclesiam nulla spes salutis*¹. Против этого протестовать было тщетно.

¹ Вне Церкви нет надежды на спасение.

Здесь едва ли следует повторять повествования о том, как враг по ту сторону границы нападал, грабя и опустошая земли. Те, кого не убивали, становились рабами и нередко продавались на далеких невольничьих рынках Востока. Определенно, гены саволакцев и карел можно и в наши дни обнаружить повсюду, от стран Магриба до Центральной Азии, где процветала работорговля, но это не тема нашей книги.

В горьких пограничных войнах шведы, которые в то гибельное время были нашими предками, мстили точно таким же образом, когда не были настоящими инициаторами. Аналогия со спором о том, что было в начале — курица или яйцо, пожалуй, не применима к тому времени. Тотальное разорение Олонца в нашей истории блистает как особое достижение финнов. Сожжение монастыря в Печенге и убийство его монахов в рождественскую ночь стало позже преподноситься как акт настолько достойный восхищения, что детская организация Аграрного союза взяла себе имя вождя этого похода.

В гербе Карелии не напрасно присутствуют восточный и западный мечи. «Таковы дела в Финляндии», — констатирует Мессениус Юханнес¹, описывая в своей хронике этот герб. Мессениус писал именно о «Финляндии», которая стремилась быть достойной частью шведского государства. Т. е., несмотря на то, что от метрополии нередко в награду за труды получали пренебрежение и упреки, как это имело место после периода Великого Лихолетия.

Можно утверждать, что этот виток обоюдного разорения и порабощения населения не завершился с периодом Средневековья, а продлился до XVIII столетия. Кустаа Х. Вилкуна в своей книге описал тот террор, который русские, особенно казаки, в период Великого лихолетия осуществляли в отношении незащитного гражданского населения. Алексей Шкваров, известный исследователь шведско-русских отношений, а также казачества, сравнивал казаков со всадниками Апокалипсиса. В обычае казаков было нападение с криками и воплями в ночное время на своих ничего не подозревающих жертв. Они убивали и грабили без жалости, т. к. это было их промыслом, а на самом деле «призванием», для которого они были рождены. У казаков всегда были с собой мешки и запасные кони для перевозки добычи. Российские власти использовали казаков прежде всего для осуществления тактики выжженной земли, но этим занимались и другие части. И это всегда происходило по приказу, как замечает Шкваров.

¹ Юханнес Мессениус (1579–1636) — шведский историк, профессор.

В любом случае нам легко представить, насколько «теплыми» были отношения между нашими шведами и убивающими и грабящими нас русскими. Российский историк Михаил Михайлович Бородкин еще более столетия тому назад считал, что финны со своей стороны были отчасти виновны в разорении во время Великой Северной войны: они укрывали в своих деревнях партизан, делая это добровольно или по принуждению. Тезис, бесспорно, убедительный, но то же самое могли бы сказать и немцы, объясняя, почему на Украине и в Белоруссии во время Второй мировой войны уничтожались целые села, а их жителей убивали. Плохое дело защищать не следует, хотя причины его и можно попытаться понять.

Чтобы образ русских не оказался односторонне излишне негативным, следует напомнить, что российские военачальники во время Великой Северной войны неоднократно запрещали насилие в отношении гражданского населения, поскольку оно должно было выполнять свои повинности. Петр Великий в Эстонии даже собственноручно казнил одного солдата, который был обвинен в подобном. Наместник Финляндии князь Голицын, которого называли «финским богом», был известен своей справедливостью, и высказывания о нем финнов в период Великого лихолетья всегда были хвалебными. В этом отношении недавно ставшие символом националистического мрака 1930-е гг. не были исключением.

Но каковым вообще представлялся русский человек в те минувшие столетия, когда он не появлялся с мечом и факелом в руке, чтобы жечь и убивать? Ощущалась ли между Востоком и Западом та культурная граница, которая не определялась только религией или была независимой от нее?

Та обильная информация, которую доставляли посещавшие Московское царство иностранцы с Запада, подтверждает, что именно таким было положение дел, даже в еще большей степени. Так, английские, как и немецкие и итальянские путешественники, начиная с XVI столетия пространно повествовали об особенностях Московского царства, которые всем чужестранцам представлялись экзотикой. Исследовавший эту тему Кари Таркиайнен¹ подчеркивал, что, например, приписываемая русским и союзным с ними татaram и калмыкам необычайная жестокость объяснима политической целью, обусловленной борьбой за Балтию в XVI в. Жестокость и коварство на всем протяжении истории являются повторяющи-

¹ См., например: De ryska nationalegenskaperna enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet (1973).

мися темами, разумеется, имевшими практическую значимость в условиях войны и вражды.

Жестокости только этим объяснить невозможно. Иван Грозный действительно был патологическим садистом, злодеяния которого на территории Балтии порицал великий, патриотически настроенный российский историк Карамзин. Свидетельства жестокости можно найти и в иные времена. Что касается коварства, то немецкий историк Габриеле Шейдеггер полагает, что дело заключается в религиозных различиях. Во всяком случае, осуждение на муки адские людей, заключивших с *немцами* (выделено автором) соглашения, нельзя в данном случае считать весомыми свидетельствами. Ведь у подчиненных интересам божьего народа положений равноправного договора с врагами Креста была совершенно нехристианская основа. Параллели легко найти в тоталитарном мышлении.

Однако все это тем или иным образом, но связано с верой. Это же следует сказать о тех представлениях, которые связаны со скверной немцев. В те времена у людей, кажется, не было никакой особой склонности проводить границу между религиозной и нерелигиозной сферой жизни. Едва ли кто-то решился бы сказать, что о скверне немцев ничего не упоминается в Библии или в церковном предании. «Домострой», знаменитая русская рукопись XVI в. о ведении домашнего хозяйства, объясняет как варку пива, потчевание гостей, наказание женщин и слуг, так и другие каждодневные дела и христианские нормы и поступки без какого-либо различия между святым и профанным.

Пьянство русских нельзя как-то особо связывать с их верой. Во всяком случае, это подчеркивается почти во всех описаниях и, кажется, представляется просто противоположностью западной воспитанности и сдержанности. Иногда утверждается также, что женщины в России часто напивались, хотя «Домострой» это строго запрещал. Правда, в России теория и практика часто не совпадают. Причиной, пожалуй, можно считать то, что грубыми обычаями русских считались именно с точки зрения высших классов западного общества. Путешественники принадлежали именно к ним. Изысканность обычаев на Западе научились ценить во времена Ренессанса, и тем отличались от варваров, но определенно было бы заблуждением поставить едущих в Москву или в Новгород наблюдать различия между Востоком и Западом где-нибудь в сельской местности на шведско-русской границе.

Хорошие качества русских зачастую не оспариваются. Как отмечал в своей книге Кари Таркиайнен, швед Петрус Петреус

в опубликованной им в 1615 г. работе описывал русских как щеголей, а русских женщин как удивительно красивых. Ум русских не подвергался сомнению, они лукавые, умные, умелые, а помимо прочего — превосходные игроки в шахматы. Досадной стороной было то, что способности использовались не должным образом. Среди плохих качеств русских часто упоминалась лень.

Применяемые в отношении русских клише в равной степени повторялись из столетия в столетие, так что сила их доказательности не вызывает особых сомнений. Все же бремя доказательства иного остается за сомневающимся. Эти описания не являются объективными, что следует подчеркнуть, а, напротив, свидетельствуют об известном, свойственном наблюдателям способе осмысливать виденное. То есть, как это виделось с Запада.

Финн, т. е. швед в то время Ларс Юхан Мальм, возведенный в дворянство под именем Эренмальм, во время Великой Северной войны написал достойную похвалы работу о России и русских. Кари Таркиайнен в своей книге комментирует это, представляющее большой интерес для нашей темы, сочинение. В книге Мальма повторяются очень многие, имевшие хождение уже пару столетий клише — от упоминаний о лени и пьянстве русских до свидетельств их лживости и проявлений жестокости. Одной значительной и также в других сообщениях упоминающейся чертой русских являлось спесивое отношение к Западу, о котором, впрочем, ничего не знали. Теперь, т. е. во времена Петра Великого, ситуация, по наблюдениям Мальма, изменилась. Новые русские брили бороды и одевались как европейцы. Они владели иностранными языками и даже усвоили изящные манеры. Мальм сомневался, однако, что эти перемены действительно глубоки и длительны, и полагал, что страна вернется к прежнему после смерти Петра Великого. Швеции, впрочем, это только лишь пошло бы на пользу.

Мальм считал, как показывает Таркиайнен, что «обоюдную вражду» между русскими и иностранцами вызывали «совершенно особенные обычаи русских, их особая вера и странные церемонии, речь и одеяния».

Иностранцы в свое время были в России изолированными и заклеятыми как безбожники, но теперь все изменилось, считал Мальм, который тем самым взваливал основную часть вины за прежнюю обособленность на русских. Сам он, однако, сомневался в наличии у России настоящих возможностей для европеизации и предлагал Швеции продолжать войну, хотя и понимал, что преимущество противника в силах было преобладающим.

Труд Петра Великого, конечно, не был напрасным, хотя российские западники позже стонали, что он остался незавершенным. Ставшая великой державой Россия интегрировала в империю и Прибалтику, которая ранее была захвачена Швецией, а также часть собственно Швеции, т. е. часть Финляндии. Тем самым Россия, по меньшей мере, наполовину стала европейской, что не могло не отразиться на ситуации по обе стороны восточной границы Швеции. Ведь за восточной границей был теперь Выборг, уже не говоря о многочисленных говорящих по-фински приходах, получивших своих пасторов из Абоского университета.

Финны называли себя нередко «добрыми людьми Швеции», в их отношении к государству не было места упреку. По ту сторону Ботники копили золото и честь, финны могли довольствоваться только крохами. Хотя Финляндия отнюдь не была колонией, а равноправной частью государства, в этом мире кто-то всегда менее равноценен. Так как торговля шла через Стокгольм и по ту сторону залива были более тучные земли и более оплачиваемые должности, Финляндия, особенно Восточная Финляндия, оставалась глушью, которая не очень-то бралась в расчет до начала XVIII века. Препятствием к настоящему равноправию Финляндии со Швецией являлся язык. С точки зрения жителей Швеции на побережье говорили на языке, с трудом поддающемся пониманию, а чем дальше на восток, тем более язык становился невыносимой тарабарщиной. Над говорившими по-шведски финнами насмеялись из-за их языка, как вспоминал Спренгпортен, но говорившие по-фински были уже на краю цивилизованного мира. В XVII в. финнов хотели заставить стать шведами, но судьба Сконе их миновала, пожалуй, благодаря тому, что народ в XVIII в. уже не стоило раздражать, поскольку речь шла об его лояльности. В начале XVIII века в этом отношении стали уже заметны признаки беспокойства. Известным примером является, разумеется, деятельность Г.М. Спренгпортена. Российскую границу теперь можно было перейти.

Оставшиеся на несправедливой стороне границы

Озеро Киткярви в Куусамо знаменито своей мелкой ряпушкой, которая чувствует себя хорошо только у финских берегов, хотя ей было бы легко подплыть к стоку на российской стороне. За этот упорный патриотизм ряпушка получила прозвище «киткярвеский мудрец».

В ходе истории у ряпушки не было таких возможностей, как у людей, выбрать власть.

Российско-шведская граница 1721 г., т. е. примерно та же, что и нынешняя восточная граница Финляндии, рассекла населенную финнами территорию, но в некотором смысле это было уже давно сложившимся положением дел. Граница учитывала сферы интересов государств, а не границы этносов.

С точки зрения физической географии финляндско-российскую границу никогда нельзя было провести по так называемой естественной линии. В заросшей хвойными лесами северной территории было бы невозможно заметить границу без установленных человеком знаков. Хотя государственные границы значительно определяют состав населения, люди по обе стороны границы также относятся к тем же этническим группам. Так обстояло дело, особенно до XX столетия, в течение которого можно было наблюдать исключительно большие перемещения населения и миграционные течения, этнические чистки, полностью изменившие ситуацию.

По обе стороны границы в разные периоды истории давало о себе знать желание сделать эту границу «естественной». Уже шведский король Юхан III в XVI в. хотел иметь выход к морю, т. е. вплоть до Белого моря. В 1800-х гг. Александр I передвинул границу к другому морю, т. е. к Ботническому заливу. Когда рухнула Российская империя и большевиками был провозглашен принцип самоопределения народов, многие в Финляндии сочли, что это касается и их. Подразумевалось, что это затрагивало также проживавших по другую сторону границы восточных карел. Намечавшаяся в 1900-х гг. «Великая Финляндия» означала бы перенос границы к Белому морю, но политическая конъюнктура этого не позволила. Во всяком случае, Тартуский мир 1920 г. провел государственную границу России в очередной раз далеко восточнее относительно «естественного» Ботнического залива, снова туда же, где граница культур фактически существовала уже столетия, оставив восточных карел под «подолом» России.

Мысль о единстве финнов и (восточных) карел возникла где-то в середине позапрошлого столетия, став в начале 1900-х гг. новой значительной идеей, имевшей политические последствия. Ранее это единство вовсе не было аксиомой, если даже кто-то считал его действительно существующим.

Генетическое единство финнов и восточных карел в свое время считалось очевидным, хотя современные генетические исследования приводят нас к тому выводу, что даже в Финляндии нет общей

генетической финской нации, не говоря уже о том, что есть некое генетическое «утро-финское» единство. Очевидно, известное генетическое единство имеется, скорее, между восточными финнами и восточными карелами, чем между вообще финнами и восточными карелами.

В Финляндии почти не известно, что в России вообще считается, что великорусский народ образовался от слияния славянских и финских племен. Мы, таким образом, с русскими братья по крови. Древняя история России, описанная в хрониках Нестора («Летопись временных лет»), рассказывает, что когда на Русь были приглашены варяги, то их пригласили чудь, словены, кривичи и вепсы (весь). Иными словами, в образовании русского государства участвовали два финских племени, из которых одно было упомянуто первым и, возможно, было инициатором. Без преувеличения можно констатировать кровное родство финнов и русских, в частности, генетики наблюдают общие элементы, имеющие распространение на территории севера по все стороны границ Швеции, Финляндии и России. С другой стороны, различия между восточной и западной границами Финляндии, кажется, в генетическом отношении более существенны, чем различия с живущими за восточной границей соседними народами. Быть может, граница между востоком и западом проходит в тех краях, где проходила граница Ореховецкого мира, который разделил Финляндию на территории черствого и мягкого хлеба. На самом деле эта граница может восприниматься как пространственная граница мировых культур: на востоке говорят (говорили) о «(т)чаечке», когда речь шла о чае. Слово *cha* восходит к временам китайских мандаринов и пришло в Восточную Финляндию через Россию. На западе же говорили о *tee*, что восходит к обычному словоупотреблению китайского Кантона, и, разумеется, было привезено на английских парусниках или собственно финских судах в Европу, а оттуда в балтийские порты.

Но значение этой границы не стоит преувеличивать. Подлинная разделяющая людей граница в целом проходила там, где менялись сферы власти государств и где столетиями сохранялись вероисповедные различия и различия в подданстве. Финский профессор Матти Клинге сформулировал мысль о двух Финляндиях, из которых одна была морской и на западе ориентированной на Стокгольм Финляндией, вторая же — восточной Петербургской Финляндией. У этих двух Финляндий, по мнению Клинге, не было очень много общего до того, как железные дороги создали физическую связь, а народные школы — дух. Взгляд Клинге интересен

и во многих отношениях плодотворен, но если внимание сосредотачивается на этой границе и о существовании восточной границы Финляндии забывается, то определенно недооценивается та стена, которая отделяла Финляндию от Востока. По сравнению с ней разница между Восточной и Западной Финляндией или же между Финляндией и Швецией — ничтожна.

Однако если размышлять именно об объединяющих людей факторах и искусственности политических границ, то можно констатировать, что финны и проживавшие по другую сторону границы карелы и русские были (и остаются) объединены многими другими факторами, помимо природы и генетики. Природа, со своей стороны, диктовала те способы деятельности и формы культуры, которые находили применение по обе стороны границы. Способы ведения сельского хозяйства, жильё, побочные промыслы и даже культура еды на этих северных землях формировались схожим образом. Жители Финляндии, прежде всего, Восточной Финляндии и Северной России, не найдут ничего нового и удивительного, посещая этнографические и краеведческие музеи соседей.

В Восточной Карелии финнам, кроме того, покажется знакомым язык. В северной части Восточной Карелии говорят на так называемом настоящем карельском языке, который довольно близок к нормальному финскому и вполне понятен финнам. Южнее, на восточной стороне финской границы говорят на олонецком диалекте карельского языка, на так называемом ливском языке, который более далек от финского, но все же он явно настолько близкий родственник, что его можно считать наречием финского языка, как раньше и принято было делать. Проблема скорее в определении, чем в объективном характере различия.

Даже если учесть эти естественные объединяющие факторы, все же более заслуживает внимания то, насколько резка и высока, все-таки, граница между Финляндией и Россией на протяжении всей истории. Восточную границу Финляндии, которая за исключением чуть менее сотни лет была северо-западной границей России, с полным основанием можно считать именно границей Востока и Запада, она в действительности была таковой. Раскол христианской церкви на восточную и западную в 1054 г. постепенно перерос также в политическое противостояние государств, находящихся под их «подолом». Западная, т. е. католическая церковь относилась временами к восточной, т. е. к православной церкви как к врагу Креста, сравнимому с язычниками и мусульманами. Отношение восточной церкви к католицизму, а позже к протестантизму было схожим,

даже более жестким. Характерно, что национальный герой России святой Александр Невский приобрел свою славу благодаря тому, что спас Русь и ее православную веру, одержав победу именно над исповедующими католицизм врагами — как над немецкими рыцарями-меченосцами, так и над шведами; а не за победу, например, над язычниками, а позже мусульманами — монголами и татарами, с которыми он даже заключал союзы. В этом случае возможные границы диктовались тем обстоятельством, что он этими последними ничего не достиг на этом направлении, т. к. сражениям предпочитал политику приспособления, которая может быть сравнима с известной позже у нас «финляндизацией».

Во всяком случае, именно Александр Невский удостоился чести стать символом России при голосовании по проекту «Имя России» в 2008 г. Таким образом, он, сражавшийся против западного мира за свою веру, символизировал Россию. Образ героя можно оценивать как оборонительный и отражающий блокадный менталитет русских. Если Финляндии опасность всегда грозила с востока, Россия испытывала угрозу со всех направлений.

В Средневековье и еще в XVII столетии, а на самом деле до XIX в. религиозные преграды были исключительно важны на государственном уровне. На уровне народных масс это явление существовало еще в XX столетии. До Петра Великого Московская Русь была закрытой страной, которая верила, что является единственной представительницей чистой христианской веры, не признавала крещения католиков и протестантов. Иначе говоря, те не считались правильно крещенными. В России считали иностранцев или немцев «нечистыми», их право передвижения было ограниченным. В Москве они жили в собственном «гетто», в Немецкой слободе. Православный русский не мог в XVII столетии даже есть в обществе немцев, не говоря уже о том, чтобы пригласить его в свой дом. Заразительное влияние «неверных» требовало освящать заново те места, которые они осквернили своим присутствием. Русские не могли свободно выезжать в другие страны, в которых, как они считали, научиться было нечему, за исключением ереси и пагубных обычаев. На Западе русских считали в целом коварными, т. к. западный еретик не являлся, с точки зрения русского, полноценным человеком и клятва для него не была святым делом.

Некоторые исследователи отмечали, что именно вера наиболее эффективно разделяла народы в культурном отношении. Общность веры ведет к тому, что родственные связи общества ориентируются на один вероисповедный круг и кровные связи с исповедующими

иную веру соседями прерываются. Если еще принадлежность к одному государству диктует соблюдение жестких религиозных границ, то возникает пропасть, которую почти невозможно преодолеть, хотя люди могут говорить на одном языке. В силу этого в тот период государственные противоречия приводили к войнам между соседями и уничтожению. Хорошо известна, например, ситуация на Балканах.

Именно так произошло между входившей в состав Швеции Финляндией и ее соседом на востоке — Россией. Разрушительные пограничные войны велись в течение столетий. С запада нападали на русские деревни и монастыри, с востока проникал сжигающий и убивающий все неприятель. Ни одну из сторон нельзя считать милосерднее другой, хотя с российской стороны у пришедших был исключительный обычай уводить инаковерующих в рабство, даже для продажи на рынках Востока. Изучавший приграничные территории в период XVII в. Киммо Катаяла констатирует: ничто не указывает на то, что говорившие на одном и том же языке по обе стороны границы испытывали какое-то чувство солидарности. Кроме этого, не говорили о финнах или карелах. Православных карел именовали русскими, а католиков или, позже, лютеран — «шведами» или «немцами». Последний термин используется и ныне в отношении жителей Германии. Название определяло именно вероисповедание, не язык. Основанный на языке способ определения родовой принадлежности приобретает значение только у национальных романтиков XIX в., простонародье не часто могло следовать ходу их мысли.

Шведское государство, став в XVII столетии великой державой, потеряло свою религиозную гомогенность. Кексгольмская губерния и Ингрия, присоединенные к Швеции по Столбовскому миру 1617 г., были населены православными карелами и ингерманландцами. Перед ортодоксальной шведской лютеранской церковью был теперь поставлен исключительно важный религиозно-политический вопрос: являются ли новые подданные крещеными или их следует заново крестить в христианской вере? Защищенная Юханнесом Бутвидом в 1620 г. академическая диссертация дала облегчающую дело информацию — нового крещения не требовалось.

В любом случае считалось важным, в духе Лютера, чтобы новые подданные стали причастны к «чистой» проповеди слова Божьего, и поэтому их обязали содержать лютеранских священников и посещать лютеранское богослужение, хотя они и могли сохранять собственную православную веру и святыни, как это было оговорено в мирном договоре. Хотя, таким образом, нельзя говорить

о настоящем религиозном гонении, отношение новых подданных к новой лютеранской родине формировалось отнюдь не добровольно. Это стало очевидным в тот период, когда православные в 1656–1658 гг. во время так называемой Войны разрыва¹ подняли массы на поддержку русской стороне, а потом, избегая естественной в этом случае мести, перешли восточную границу.

Православные Карелия и Ингрия образовывали вместе со Швецией единое целое, они не были присоединены к Финляндии, а управлялись в качестве отдельной от Финляндии провинции. В XVII в. притесняемые православные ушли в Россию, освободив место для лютеран-саволакцев, которые прибывали во множестве в Северную Карелию и в Ингрию. Причиной было как бегство во время войны 1656–1658 гг. представлявших «пятую колонну» православных, так и «тяга Новгорода», которую исследовал профессор Пентти Лаасонен. Новгородская земля предлагала желающим на выгодных условиях землю, и православные охотно переезжали сюда ради нее, а также восточнее — в тверские земли, где сформировалась значительная концентрация карел, так называемая Тверская Карелия. Уехавшие из Финляндии лютеране, со своей стороны, сформировали заграничное меньшинство в Ингрии — после того, как при Петре Великом в 1721 г. туда была перенесена граница и где она почти там же проходит и сейчас. Численность как финнов в Ингрии, так и тверских карел перед русской революцией достигала полутора сотен тысяч.

Те православные, которые остались на месте, сформировали затем православное меньшинство в Финляндии, которое было административно интегрировано в Финляндию только в начале XIX в., когда так называемая Старая Финляндия была объединена в 1812 г. с Великим княжеством Финляндским. Следует помнить, что по Столбовскому миру 1617 г. присоединенная к Финляндии территория была в собственно шведской Финляндии на особом положении, на таком же, как первая была по отношению к Швеции. В 1721 и 1743 гг. мирными договорами она была отделена от новой метрополии.

Духовная интеграция была довольно медленной, и факторы трений во множестве проявлялись еще в XX в. Во всяком случае, финляндская православная церковь вышла из-под юрисдикции Московского патриархата в 1923 г., т. к. это стало возможным благодаря независимости Финляндии. В церковных кругах уже

¹Русско-шведская война 1656–1658 гг.

в конце XIX в. дали о себе знать поддержка феннизации и противостояние русификации, что, говоря иными словами, свидетельствовало о том, что национальная идентичность становилась важнее идентичности религиозной. Граница между Финляндией и Россией стала еще более конгруэнтной с политической границей.

Отношения же между лютеранской и православной церквями в Финляндии не были, однако, сердечными. Ещё во время войны-продолжения (1941–1944 гг.) проведенные в захваченной Восточной Карелии массовые крещения в лютеранство вызвали гнев у православных. По распоряжению ставки они были быстро запрещены. Предубеждения во многих краях вызвала также православная вера переселенных карел. Можно, следовательно, констатировать, что положение инаковерующих на «неправильной» стороне границы не было беспроблемным и в Финляндии.

Со своей стороны, ингерманландцы также могли исповедовать свою веру, находясь под властью России. Их положение со времен Петра Великого в религиозном отношении было даже легче, чем положение православных в Финляндии. Петр создал из старой России, известной под именем Русь, современную многонациональную империю — Всероссийскую империю, и принял титул императора, цезаря. На территории Старой Финляндии в силе были старые шведские законы в двух версиях — в зависимости от того, была эта территория присоединена к России в 1721 г. или в 1743 г. Ингерманландцы получали священников из Финляндии, а учителей из Колпанской семинарии. Таким образом, о духовной и личностной стороне оказывалось попечение, хотя по сравнению с бывшей метрополией жизнь часто была тяжелой, когда население оказывалось в положении «дарованных» крестьян, права которых для помещиков были несущественными. Ситуация была близкой к крепостному рабству.

Со времен Петра Великого Российская империя в духе просвещения начала одобрять многообразие на новых территориях (иначе обстояло дело в централизованной Московской Руси). Помимо ингерманландцев в России имелось много других лютеран, в основном в Прибалтике. Кроме того, у императора были в числе подданных католики, мусульмане, евреи, а со временем и подданные-буддисты.

Религиозные гонения начались в России по-настоящему только после революции, и как спланированная кампания они проводились в связи с коллективизацией села, особенно в 1930 и 1931 гг., когда огромное число так называемых кулаков было выселено из родных мест. Во второй половине 1930-х гг., в связи с так называемым

мым Большим террором, ингерманландцы, как и другие меньшинства, утратили все национальные культурные права, в том числе и религиозные. Священников уже не допускали¹, церкви закрыли. Ситуация изменилась только после краха коммунизма.

Осуществлявшиеся большевиками религиозные гонения были, однако, только уродливым проявлением того самого процесса модернизации, который уничтожал значение веры и с западной стороны границы. Так или иначе, в XX в. тысячелетняя религиозная граница между Финляндией и Россией утратила свое значение как в отношениях между государствами, так и внутри них. На время разделителем стала идеология, которая была более фанатична, чем когда-либо вера.

¹ Для приезда из Финляндии лютеранских священников в ингерманландские приходы на территории СССР требовалось разрешение советских властей. С конца 1920-х гг. разрешения уже не выдавались.

III

Часть Запада на Востоке

Когда оказались финнами

«Мы не шведы, русскими мы стать не можем, так будем же финнами!» Этот всем известный лозунг обыкновенно приписывают А.И. Арвидссону, хотя, как выяснил, например, Макс Энгман, эта честь принадлежит графу Г.М. Армфельту. Но мало того, что финны сами решились стать финнами. Цитируемый М. Энгманом А.Ф. Пальмгрен писал, что сам «император хочет сделать нас счастливыми и настоящими финнами».

Что это означало на практике, оставалось тогда, в начале XIX в., еще неясным. Густаф Мауриц Армфельт писал в 1811 г. о некоторых соотечественниках, называя «*canaille* тех, кто не желают быть финнами, но считают себя русскими или шведами и тем самым отказываются от собственной родины». «*Canaille*» в языке того времени было исключительно сильным выражением, и его использование в отношении благородного человека могло повлечь наложение судом значительных штрафов. Что тогда вытекало из требования «считать себя финнами»? Разумеется, под этим имелся в виду отказ от шведской идентичности, но тогда еще оставался вопрос, как следует относиться к этническим русским и русскому языку или к настоящим этническим финнам и финскому языку. Те господа, которые сменили свою идентичность, были, конечно же, шведоязычными.

Во всяком случае, Александр I создал рамки для финского патриотизма, который обладал собственным своеобразием. Великое княжество дало своего рода государственное бытие новой национальной единице, в которой русский был почти незнакомым языком, шведский — исключительно разговорным языком интеллигенции, а финский — языком простонародья, который господа во многих случаях понимали только при помощи переводчика.

Но каково было отношение финнов к России и чем оно стало? В начале периода автономии с готовностью признавали, что финны жили в России, которая в Финляндии выступала, прежде всего, в образе императора, долг признательности и уважения вызывался добрым и благородным обращением. Однако финны не «могли стать» русскими, не желали этого, вне зависимости от того, говорили ли они по-фински или по-шведски. На чем основывались антипатия и страх?

В своем превосходном исследовании Кати Катайисто пишет о «проведении отличия от варварской России». Для исследователя более поздних времен может оказаться неожиданным, что прославлявшую в XVIII в. философию просветителей Россию еще в начале следующего столетия считали «варварской» даже в кругах шведского дворянства, у которого за границей было немало как немецких, так и знавших шведский язык образованных собратьев по сословию, и которое, кроме того, издавна следовало традициям французского Просвещения, как и его говорящие по-русски собратья по сословию.

Речи о «варварстве» России были, во всяком случае, в то время, нормальным явлением, и это интересовало даже Наполеона, у которого, правда, для этого имелись собственные причины, и который как военачальник определенно подбрасывал в этот стеклянный шкаф камни.

Как следует из книги Катайисто, дворяне видели в России недостаток свободы и «азиатский» деспотизм. В 1808 г. многие из шведских офицеров считали за лучшее умереть, чем стать русскими. Так думал даже Густаф Мауриц Армфельт, который, правда, вскоре изменил свое мнение. Георг Магнус Спренгтпортен сделал выбор в пользу русскости еще ранее, но его ненавидели и презирали повсеместно, как показывает в своей книге Катайисто. Материалы Катайисто позволяют также понять, как много вкладывали в сохранение «свободы». Особый восторг вызвало благородство российского императора, когда он воздержался от положения

деспота в Финляндии и позволил финскому дворянству остаться гражданами. Тем самым «свободные мужи Швеции», не утратив своей чести, могли приобрести новую родину как граждане Финляндии в подданстве императора.

Когда Александр еще воссоединил с новым «Финляндским государством» Старую Финляндию, т. е., если так можно выразиться, вернул ему Карелию, появились основания для цитируемого Катайисто высказывания К.Ю. Валлена: «То, что только что завоеванная страна смогла испытать от российской власти, не имеет примеров в мировой истории, и подобных примеров, пожалуй, никогда и не будет».

Не считая увлеченности императором и почитания его, которые можно назвать просто поклонением, отношение к России сохранялось, однако, резко отвергающим. На этом сказывались те бесчисленные войны, театром которых становилась Финляндия в историческое время. Русофобия как таковая ни в коем случае не была в 1917–1918 гг. новостью, а скорее давней финляндской традицией. На протяжении столетий можно найти немало свидетельств в исторических источниках. Герб Финляндии — отнюдь не случайный образ борьбы Востока и Запада. Геральдический пафос являет нам попирающий восточную саблю победоносный Запад, но действительность была более мрачной. У воинской славы, кроме того, имелась тогда также горькая цена. Другое дело, что отношения между финнами и русскими в 1800-е гг. нельзя называть «ненавистными». Скорее всего, речь шла об отчуждении. Граница все еще разделяла стороны как в физическом, так и в культурном отношении. На финляндской стороне границы поддерживался также страх, и уничтожение дающей защиту границы было самой ужасной из картин.

Страх и неприятие, направленные на Россию и все русское, были, в целом, неопределенными и не анализируемыми. Повествующая о насилии традиция сохраняла их и связанные с ними представления о бесправии простого народа и произволе господ в России, которые имели во многом более острые формы, чем в Финляндии. Православная вера, которая оказывала свое влияние на многих уровнях, выделяя финнов-лютеран в собственный жизненный круг, являлась важным разделяющим фактором, который также препятствовал бракам, хотя и не делал их невозможными.

В Финляндии осознавали, что это новое и во многих отношениях ранее не слыханное выгодное положение, которое Великое

княжество получило по милости императора, было по природе своей уязвимо. Отношения с Петербургом были вопросом судьбы Финляндии. Они должны были осуществляться на самом высоком уровне и удерживать российскую бюрократию вдали от финляндских дел. Поэтому о Финляндии нельзя было слышать, с точки зрения монарха, ничего плохого или сомнительного.

В этом великолепно преуспевали на протяжении десятилетий. Финские бюрократы были святее папы римского, и жесткая цензура не позволяла винить в бедах страны Петербург, лишь нашу собственную «реакционную» бюрократию. Все попытки сопротивляться ограничениям свободы, не говоря уже о либеральных или напоминающих движение за независимость идеях, резко отвергались со всех сторон, т. к. осознавали, что подозрение монарха может привести к утрате всего. Польша в этом отношении была хорошим примером и наглядным уроком. Более мудрым было бы, скорее, послать своих немногочисленных солдат подавлять восстание в Польше и решительно отвергать домогательства анархиста Михаила Бакунина, чем предпринимать что-то, пассивно или активно сопротивляясь тем политическим направлениям, о которых было известно, что их поддерживает император. В этой политике можно увидеть прообраз линии Паасикиви и Кекконена. Паасикиви сам поддерживал эту тактику еще во времена автономии и после Второй мировой войны оживил старые принципы.

Во второй половине XIX столетия в Финляндии возникает четкое разделение по вопросу, что означает быть «финнами». Численно возросшая группа считала, что речь должна идти об учете интересов говорившего по-фински большинства народа. Небольшое, но очень влиятельное меньшинство верило в собственную шведоязычную культуру, и благополучие ее носителей было для них достаточно благородным делом в качестве государственной цели Великого княжества.

Как известно, во времена Александра Второго, а частично и ранее, русские начали поддерживать движение фенноманов, которое рассматривалось как противовес господству шведоязычного класса, лояльность которого в принципе считалась спорной. Правда, Швеция входила в число первых государств Европы, хотя ее мощь после XVIII столетия и пошла на убыль. Шведы, бесспорно, были культурным народом, создавшим государство. На деле общим мнением было то, что именно они, под именем варягов, основали также и Русское государство.

Финские племена, напротив, никогда не создавали государства, что можно считать научным фактом, и вывод о неспособности финского народа в этом отношении казался бесспорным. Николай Данилевский и некоторые другие славянофилы открыто провозглашали эту мысль и заявляли, что финны сами по себе были в истории «этнографическим материалом», вспомогательным материалом для создающего более высокую культуру народа. Такими народами были как шведы, так и русские, но Швеция как маленькая страна не могла позволить финнам этнографическую самостоятельность, в отличие от России. Поэтому в интересах финнов быть благодарными России, в единстве с которой находятся все другие финно-угорские народы, за исключением далекой венгерской ветви.

Воодушевленное Снелльманом движение фенноманов отнюдь не разделяло такого мнения, но с радостью ухватилось за протянутую русскую руку и вступило в борьбу против особых прав высшего, говорившего по-шведски класса. В то же время яростно осуждали все возможные отклонения от строгой верности императору. К этому проявили склонность шведоманы как уже во время Крымской войны, так и позже во многих других отношениях, в частности во время афганского кризиса 1885 г., когда, как казалось, была угроза войны между Россией и Англией.

Под руководством Снелльмана движение фенноманов одержало красивые победы, и уже в 1863 г. в монаршем рескрипте было дано обещание в течение двадцати лет уравнивать в правах финский язык со шведским. Это в те времена было весьма радикальной идеей и ее осуществление вызвало бурные страсти.

Со стороны немногочисленного финского дворянства отторжение русского духа было в XIX в. явно гораздо меньшим, чем у других слоев общества. В многонациональной России высший класс был космополитическим, и особенно немцы, хотя в большинстве они и были лютеранами, чувствовали себя в ней как рыба в воде. Выгодные должности в России и предлагавшиеся в ней возможности для коммерческой деятельности были для многих финских «соотечественников» нестерпимым искушением. Российская аристократия, «высший свет», была намного более роскошной, чем родное финское дворянство, убогий образ жизни которого удивлял Фаддея Булгарина во время Финляндской войны.

Очевидно, что Россия была для образованных финнов соблазном, искушением. Что плохого было в том, чтобы поставить свои способности на службу государству, к которому *ipso facto* в любом

случае принадлежали? Почему плохо учиться русскому языку и русским обычаям? Источники предлагают достаточно свидетельств того, что этого избегали. В диссертации Кари Кетола убедительно показано, насколько экзотичным было отправиться в Россию учиться русскому языку и насколько суровое неодобрение и подозрения в оппортунизме это вызывало на протяжении всего периода автономии.

Кроме того, сказывалось вышеупомянутое ужасавшее представление об окончательном смешении, «утоплении в море народов России». С этим определенно напрашивались коннотации о более низкой ступени развития российского общества, царивших в нем произволе, нецивилизованности, непристойности и лживости. Это были давние клише, которые и в России отлично знали и еще знают. В то время было обычным, то что вокруг виделось, объяснять вытекающим из существа дел. Русский не мог читать, потому что он был русским; по той же самой причине финн не мог основать государства, потому что был финном; или женщина не могла выбрать свободные профессии, потому что была женщиной. Аргументы могли считаться научными: история доказывала, что так всегда было.

Финляндию, как на краях страны, так и внутри нее, от России отделяла высокая граница. Присоединение в качестве Великого княжества к империи едва ли понизило ее. Финны, пожалуй, стали только более осведомленными о деле, когда появилась возможность полного и судьбоносного уничтожения этой границы.

Во всяком случае, фактом является то, что русский язык остался в Финляндии на положении пасынка, в пренебрежении, что, до некоторой степени, было, правда, исключительным в империи. Несмотря на предложения Армфельта и прочих государственных мудрецов, финны не учили русский язык, но, напротив, считали достойным чести поступком не учить его — в этом случае ужасная картина ассимиляции становится делом еще более далекого будущего. Принадлежность к России предлагала некоторые выгоды, по крайней мере, потенциально, но стремление к ним могли истолковывать как несущее риск будущему родины.

Исходя из этого, становится понятной знаменитая застольная речь Аугуста Альквиста, в которой он проклял как изменников тех, кто отправился в Москву стипендиатами изучать язык метрополии. Стипендии расценивались как сребреники Иуды, и московские магистры назывались иногда «кандидатами в министры статс-секретари», ведь в расположенном в столице статс-секретариате требовалось владение русским языком, на родине — почти нигде.

Принятие себя финном в том смысле, что следует отказываться от всего русского, явно не доставляло новым подданным императора каких-либо мучений. Отношение ко всему шведскому было намного более жгучей проблемой, и в кругах финляндских шведов в те дни испытывали горечь по отношению к Снелльману, который соблазнил многих соплеменников пожертвовать родным языком ради финского и финскости.

Вклад финляндских шведов в создание финскости был незаменим. Без Рунеберга и Топелиуса представить финскую идентичность затруднительно. Снелльман и Юрьё-Коскинен перешли к финскости более или менее полно. Даже труд настоящего финна Лённрота не был бы возможен без выстраивающего эту финскость круга говоривших по-шведски людей, в котором он действовал. Финская интеллигенция рождалась медленно и мучительно. В этом труде «фенноманы» вначале действовали согласованно, вне зависимости от того языка, на котором говорили. Существенным было служение народу, его введение в сферу культуры, как в целом понималось это дело еще в тот период, когда отцы-основатели финской идентичности Рунеберг и Топелиус вершили свой труд. Выдвинутое Снелльманом требование было радикальным: «один язык, один ум». Оно вызывало спор, неспроста в этой связи говорилось о «красности». Языковая борьба временами обострялась до крайности и отравляла отношения финнов десятки лет. Это определено не было видением будущего как Топелиуса, так и Рунеберга.

Что касается русской стороны, она оказалась в споре двух третей, пожинаящей плоды, стороной, *tertium gaudens*¹. Но сражавшиеся со шведоманами фенноманы держали дистанцию с русскими. Очень символичным представляется описание Арвидом Ярнефельтом Юрьё-Коскинена, позже возведенного императором в дворянство основателя партии фенноманов, который на вечерних приемах стремился уклониться от беседы с генерал-губернатором Гейденом, и который смеялся постоянным искусственным смехом фенноманов.

У движения фенноманов не имелось никакого намерения быть верными посыльными русской культуры. Отношение к России определялось чистой политикой. Во второй половине XIX в. уже родилась финская идентичность, выстроенная в основном на созданной Рунебергом и Топелиусом основе. Она замкнула в себе как

¹Третий радующийся.

шведоязычную, так и финскоязычную культуру, обе были объединены идеей о финской нации и ее истории, которая теперь развивалась в рамках самостоятельной государственности и обособленно как от Швеции, так и от России.

Новозавоеванная страна глазами русских

Несмотря на презрение Наполеона, Россия в начале XIX столетия в значительной степени была страной европейской. В Петербурге о парижской моде знали намного лучше, чем в Финляндии, да и жили более роскошно. Более величественные дворцы трудно было найти в Европе, только разве в Париже или в Вене. Многие русские в то время чувствовали себя за границей как дома, хотя клише об очень богатом и в совершенстве владеющем французским языком расточительном русском появляется лишь несколько позже, когда стало возможным путешествовать по железной дороге.

Российская империя была не только многонациональной, но также и подлинно космополитической. Уже со времен Петра Великого в ее армии были широко представлены иностранцы. Помимо являвшихся ее подданными прибалтийских немцев в армии служило множество офицеров — швейцарцев, шотландцев, немцев и англичан, а также итальянцев и голландцев.

Представители голубой крови высшего дворянства, князья были по ту сторону границы обычным явлением, но по эту сторону — довольно большой редкостью. Великосветскому миру придавали дополнительный блеск имевшие западноевропейские корни герцоги, принцы и маркизы, не говоря уже о графах и баронах. В сражении под Руотсинсалми с российской стороны эскадрой командовал принц Нассау-Зиген¹, а легкой гребной эскадрой — итальянец граф Литта. Француз маркиз де Траверсе² был рекомендован Нассау-Зигеном Екатерине II и являлся, между прочим, начальником Роченсальмской крепости, т. е. нынешней Котки. Главнокомандующим российскими войсками был Михаил Барклай-де-Толли, предки которого были шотландцами. В его частях служил, между прочим, маркиз Паулуччи, род которого,

¹ Адмирал Карл Хенрик Николаус Отто Нассау-Зиген (1743–1808).

² Иван Иванович де Траверсе (Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе) (1754–1831).

по свидетельству Фаддея Булгарина, принадлежал к старейшим и знатнейшим родам Модены. Буксгевден, Сухтелен и многие-многие другие принадлежали к западноевропейскому дворянству и были космополитами по своему духу. Они участвовали в наполеоновских войнах и видели иной мир, а не только Саво и Похьян-маа, куда велением времени забросила их судьба.

Хотя и на западной стороне фронта в густавианскую войну имелись представители высшего света королевства, включая самого короля и его брата герцога Сёдерманландского, это была особая война. В мирное время высшее дворянство Швеции прочно обосновалось к западу от Ботнического залива, а на востоке сливки империи осели в Петербурге и его окрестностях, в непосредственной близости к финнам.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на это, «свободные люди Швеции» испытывали довольно большое предубеждение к представляемой российской армией цивилизации. Кроме высшего офицерства в воинские части восточного соседа с течением времени влились самые разные народы: от татар и башкир до казаков и калмыков. Дух командования этой национальной пестротой в общем существенно не изменился, происходившие с Запада командиры со времен Великого лихолетья не всегда могли быть особенно гуманными. Во время войны Густава III в российской армии имелась башкирская кавалерия, вооруженная луками и стрелами, и когда Булгарин живописует, как донские казаки закалывали на смерть плененных в Саво егерей, он замечает, что это было приуще тогдашним казакам.

Правда, в Финляндии российские и шведские офицеры могли во время войны даже обедать за одним столом, и некоторые из них во время похода посылали друг другу табак. Но это скорее свидетельствует об обычаях времени и некотором кокетстве, чем о том, как финны в действительности относились к появившимся на их родине захватчикам. Полковой проповедник Карл Юхан Хольм свидетельствует, что егеря в Саво унаследовали ненависть к русским «с молоком матери», и описывает общие трапезы врага как неприятное зрелище.

Любопытную точку зрения на эту проблематику предлагает нам современник Фаддей Булгарин, сочинения которого были позже переведены на финский язык. Но сначала следует сказать несколько слов о самом Булгарине.

По происхождению Булгарин был поляком (Tadeusz Bulharyn), современником Пушкина, Рунеберга и Якова Грота. Он был отмен-

ным знатоком петербургских светских кругов и хорошо информированным в иных областях человеком. Враждебность проявлялась в том, что Булгарин принадлежал к тому кругу людей, к которому очень благосклонно относился император, его считали доносчиком на своих свободомыслящих коллег. В России времен Николая I это было верным способом снискать ненависть на свою голову тех, кто, как и Пушкин, тайно разделяли традиции свободы декабристов. Что касается личной биографии Булгарина, то он совершил кульбит — из российского патриота стал поддерживающим Наполеона польским патриотом, а затем снова российским патриотом. То же произошло и с его верой — из католика он стал православным, и злые языки утверждали, что его мать хватил удар от такой измены отечеству.

Булгарин принадлежал к ведущим писателям, представлявшим т. н. «официальный патриотизм»; он трудился в петербургской газете «Северная пчела», в которой обосновывалась исключительность самодержца и также писалось о том, как благополучно осуществлялись русификация и почитание императора в Финляндии. Пушкин увековечил Булгарина убийственной эпиграммой, и имя его могущественного врага стало ругательством — Фиглярин:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Видок¹, основатель французской тайной полиции — *Surêté* — являлся в то время символом подлеца, обряженного в мантию служителя законности. Поговаривали, что Булгарин был шпионом или, как говорили позднее, — «стукачом». Российская интеллигенция всегда их особенно ненавидела, но этого наши самые рьяные русофилы никогда не понимали.

Когда недоброжелатели в конце XIX столетия нападали на Финляндию, то с сарказмом говорили, что Булгарин точно станет национальным героем Финляндии, если страна когда-нибудь приобретет независимость. В такой степени, видите ли, этот подлец заискивал перед другими подлецами — чухной.

¹ Франсуа Эжен Видок (1775–1857) — основал в 1810 г. парижскую криминальную полицию («Сюрте» — «Безопасность»).

Как друг Финляндии Булгарин именно благодаря своей «славе» остался в то время вне круга русских друзей Финляндии — круга Якова Грота и Петра Плетнева. В связи с торжествами по случаю двухсотлетия Александровского университета его не пригласили на устраиваемый русскими коллегами обед и не предложили участвовать в юбилейном сборнике, как утверждает Марья Итконен-Кайла. Из переписки Грота и Плетнева явствует, что они опасались Булгарина.

Несмотря на все это, в финских публикациях, касающихся Булгарина, присутствует очень большой интерес. Во всяком случае, он был повидавшим мир человеком, который писал под собственным именем о достойных упоминания личностях, он не привирал. Прежде всего, воспоминания Булгарина о войне в Финляндии показывают его как симпатичного и благородного человека, но то же самое можно сказать в целом и об его описании противника, шведов по другую сторону границы, т. е. финнов. В обоих случаях, правда, присутствуют элементы преувеличения, дает о себе знать то, что он писатель.

Как свидетельствует Булгарин, во время финской войны отношение финнов к русским было прохладным, если не враждебным. «Столетние войны с Россией и варварский обычай ведения войны в прежние времена укоренили в финнах предвзятость к русским. Нас считают дикими людьми, почти людоедами, кровожадными и коварными, никак не хотят верить, что мы европейцы по своей культуре. Все хорошо воспитанные офицеры считаются иностранцами или иноплеменными подданными России...».

В Финляндии жили сурово: «Ни в какой стране не живут так скромно и умеренно, как состоятельные люди живут в Финляндии в это время... Почти все здания из дерева и очень простые... бронзовые украшения мебели из красного дерева, которые тогда были в моде по всей Европе, я видел всего пару раз. Паркет в это время в Финляндии вообще не известны».

Булгарина удивляло также то, что богатые и бедные ели одно и то же: солонину или соленую рыбу, хлеб и квас. Водку пили все, а на побережье еще и кофе. Наиболее зажиточные люди на пирах пили выдержанные испанские и португальские вина. У крестьян Похьянмаа мог иметься клавесин и библиотека, и они жили в чистых двухэтажных домах, что было доказательством значительного благосостояния этого сословия. Как бы то ни было, из описания Булгарина возникает впечатление сурового и просто аскетического образа жизни, в котором нарядность и богатство не существуют или не демонстрируются.

Жители Финляндии с моральной точки зрения были безупречными, но очень своеобразными людьми — замкнутыми и недоброжелательно относящимися ко всему чужому. Культура с трудом проникала в глушь Финляндии. В Каяни, Саво и Карелии люди были *«до дикости некультурными, суеверными и мстительными»*. У финнов имели авторитет только священники, говорившие на их же языке, приобщившиеся европейской культуре, самое культурное духовенство в Европе.

Сопротивление народа и вспыхнуло, подогреваемое духовенством, став со временем опасным движением, которое напоминало народную войну в Испании против войск Наполеона. Булгарин мог также видеть со стороны финнов исключительную враждебность, но не только ее: *«По правде говоря, мне также следует упомянуть, что женский пол, особенно принадлежащий к среднему классу, в отличие от мужчин не ненавидел нас, и что любовь вообще позволяла тогда в Финляндии много такого, что запрещает строгая мораль. Но следует также сказать, что в обособленной и холодной Финляндии было так мало развлечений и забав и все было так однообразно и скучно, что жизнерадостным красавицам было трудно воспротивиться искушениям любви. Противовесом этой слабости являются, однако, тысячи отменных качеств...»*.

Как известно, русские устраивали танцы в тех городах, которые отступавшая шведская армия оставляла по пути на свою голгофу. Когда пропадало ощущение ужаса, многие девицы начинали проявлять интерес к видным русским, соперники которых теперь вы были из игры. Булгарин описывает эти отношения в основном как рыцарские, хотя следует напомнить, что литературное творчество диктует особенности стиля и содержания произведения. Описание Сары Ваклин подтверждает, впрочем, мысль, что русские оказались в значительной степени корректными и нередко приятными для финских девушек.

Булгарин также особо вдохновлен очарованием финских женщин. Он, однако, замечает, что *«все финляндские красавицы — шведки или из смешанных шведских семей. Финское племя не красиво. Об исключениях я здесь не говорю»*.

В усадьбе священника в Рауталампи Булгарин встретил также сверстника А.И. Арвидссона, с которым разговорился. Арвидссон восхвалял шведов, с чем Булгарин соглашался, но предложил решить борьбой, какая нация одержит победу. Арвидссон проиграл, и предчувствие поражения Швеции довело его до слез. Позже, однако, как мы знаем, Арвидссон принадлежал к тем, которые

рано стали стремиться к тому, чтобы пробудить в Финляндии собственное, отличное от Швеции национальное самосознание. Из-за своей деятельности он вынужден был уехать в Швецию, где Булгарин встретил его еще раз, и они горячо вспоминали о встрече в Рауталампи, как он пишет в своих воспоминаниях.

Булгарин принадлежал к кругу тех, по мнению которых, у Финляндии, нового владения империи, имелись великолепные перспективы, находясь под милостивым попечением самодержца. Нанесший быстрый визит в Финляндию в 1809 г. князь Павел Гагарин полагал, что ничто не объединяет финнов со Швецией и что сам их характер указывает на наличие известной симпатии к русским. Финны проявляли гостеприимство, любовь к ближнему и, по удивительной оценке Гагарина, даже откровенность в отношениях с теми, кого они считали своими друзьями. К врагам они выражали только ненависть, не давая прощения с легкостью.

Изменение многих клише при описании качеств финнов заметно уже у Булгарина, но они оставались в ходу и позже.

В 1829 г. Валентин Шемиот писал об исключительном хладнокровии финнов, их порядочности и патриотизме. Они были также весьма сообразительными и легко осваивали новое. Правда, склонность к пьянству оставляла добрые наклонности в тени. Как Булгарин, так и Шемиот оценивали финляндское дворянство как бедное. Низшее сословие было довольно образованным. Немного позже ставшие классическими описания финнов в книге Топелиуса *Maamme* вполне согласуются с описаниями русских, и даже русские стали их использовать.

Как показал в своем классическом сочинении Валентин Кипарский, в начале XIX столетия Финляндия была для просвещенных русских очень экзотической страной, в которой в духе времени находили оссианскую идиллию и суровую красоту. В этом преуспели, но на фоне бурной светской жизни Петербурга Финляндия с ее незначительными городами и бедным дворянством была лишь неинтересным уголком страны. Встречи с представителями высших слоев в целом, правда, свидетельствуют о доброжелательстве, даже в условиях войны. Предубеждения в отношении русских во время войны носили отрицательный характер во всех национальных слоях. Честный и законопослушный простой народ был довольно просвещенным, хотя угрюмым и мстительным. В народе видели определенную перспективу: умелая политика могла еще сделать их хорошими русскими.

Выстрел в ночи

«Прошлое России славно, ее нынешнее положение блестяще, а ее будущее превзойдет все ожидания», — такую оценку давал во времена Николая I глава III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и основатель корпуса жандармов России Александр фон Бенкендорф. Генерал Бенкендорф сам был представителем прибалтийского дворянства, родом из Эстляндии, но, как и многие другие члены его сословия, он вполне усвоил цель процветания государства, империи и тем самым и своего собственного сословия и родного края.

Бенкендорф символизировал ту идеологию *официальной народности*, суть которой лапидарно сформулировал министр просвещения Николая I граф Сергей Уваров в 1833 г.: «православие, самодержавие и народность!» Это было русской альтернативой французской триаде: «свобода, равенство, братство!» (*liberté, égalité, fraternité*). Эта идеология оставалась официальной доктриной Российской империи до 1917 г.

Россия, которая унизила возглавляемую Наполеоном общеевропейскую Великую армию и казаки которой вступили в Париж, переживала в начале столетия момент высочайшей национальной гордости. У Западной Европы России нечему было учиться. Запад был способен предложить только атеизм и революцию, он являлся деградирующим миром и, кроме того, был слабее России в военном отношении, а также менее ценным духовно. Светские круги Петербурга охотнее ездили в Кайвопуисто в Хельсинки, чем принимали ванны и пили воды Баден-Бадена, если они того хотели.

Как известно, желание власти было в России законом, и каждый устремленный в будущее человек принимал это во внимание, как маркиз Астольф де Кюстин констатировал в своей знаменитой книге о путешествии в 1839 г., в которой он описал Россию, особенно Петербург и его окрестности. К флиртовавшим с властями принадлежала также группа писателей, самым знаменитым из которых был Николай Гоголь, который, правда, скорее поддерживал систему из искренних убеждений. Наиболее неприятным из поддерживавших официальную доктрину «официальной народности» писателей был уже знакомый нам Фаддей Булгарин, который много писал также и о Финляндии.

Российская интеллигенция, появившаяся, по мнению многих, именно в это время, в 1830-е гг., всегда сохраняла дистанцию

по отношению к власти. Восстание декабристов было подавлено в 1825 г., а его руководители повешены, но их дух продолжал жить. Втайне идеалы свободы поддерживал Пушкин и круг его друзей, в который входил и представитель аристократии Петр Яковлевич Чаадаев, молодой офицер, который отличился во время войны с Наполеоном, но затем оставил службу и посвятил себя философии. Чаадаев принадлежал к тем очень редким в то время русским, которые на портретах запечатлены в гражданском платье.

Атмосферу в России 1830-х гг. уместно сравнивать с брежневским временем в Советском Союзе. Самовосхваление стало национальной верой. Запад был побежден в войне, там нечего было искать что-то хорошее. Русским было достаточно России, и она была пригодна и для других. В 1836 г. эта затхлая идиллия была разрушена событием, которое нередко характеризуется как «выстрел в ночи». Нарушителем мира и консенсуса стал Петр Чаадаев, который опубликовал в журнале «Телескоп» статью под названием «Философические письма».

Статья Чаадаева была пощечиной господствовавшей ортодоксии. Он утверждал, что Россия представляет собой причудливый гибрид, который не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу. У нее не имеется ни исторической преемственности, ни «нравственной личности». Русские не представляют собой нации в том смысле, как европейские народы, они лишь собрание отдельных людей, в головах которых «нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно». Моральная атмосфера Запада с идеями долга, справедливости, права и порядка недоступна России, как и логика западных стран. Вершиной бедственного положения Чаадаев считал историческую иррациональность русских: *«Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих... Это естественное последствие культуры, всецело замкнутой и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели... Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили».*

Как и следовало ожидать, эта лобовая атака на основы самодовольства самодержавия вызвала соответствующую реакцию. Чаадаева официально объявили душевнобольным и изолировали

от светских кругов. Такие же последствия имели схожие преступления во времена Брежнева в Советском Союзе.

Философ, однако, не был помещен в психиатрическую лечебницу, он мог дома работать над «Апологией сумасшедшего», в которой попытался обосновать мысль, что отсутствие истории у России не было только плохим делом. Отсутствие традиции способно также предложить исключительную возможность для развития. Во всяком случае, критика Чаадаевым господствующей культуры была уничтожающей. Следовало что-то предпринимать, чтобы спасти Россию, для появления у нее подлинной культуры. По его собственному истолкованию, насущной проблемой родины было то, что она всегда была отдалена от западного мира после разделения церквей. Воссоединение с католицизмом после восьми столетий раскола не являлось, однако, в то время решением для русской интеллигенции, не говоря уже о власти.

Но «Философические письма» не остались без отклика. Они послужили импульсом к самым известным историософским дискуссиям в России, которые велись между славянофилами и западниками и которые все еще продолжаются. Коротко говоря, речь шла о проблематичном отношении России к Европе, о чем говорил Чаадаев. Молодая интеллигенция была единодушна в том, что следует что-то делать. Однако выводы, касающиеся направления требуемого изменения, были противоположными. Те, кого стали именовать славянофилами, считали, что главным виновником «безличностного» полуевропейства России был Петр Великий, который обрушился на традиции русских и преуспел в их уничтожении в европеизированных кругах высшего общества. Высший класс, однако, жил полностью изолированно от простого народа, в котором все еще можно было найти былую неиспорченную, первоначальную русскую душу. Так что лозунг славянофилов гласил: назад, к допетровским временам! По их мнению, подлинно русские институты, такие как сельская община (мир), сохранили душу России. Ее можно было также найти в народной поэзии, и оказалось, что унаследованные от Киевской Руси сокровища поэзии сохранились и в Карелии — именно в тех самых краях, в которых собирались и строфы «Калевалы»!

Романтизм славянофилов и их крестьянское одеяние подвергались насмешкам уже в то время. Также их противники — западники — говорили о своем желании спасти Россию, но, по их мнению, этого можно было достичь только выполнением всей программы Петра Великого. Причиной обособленности и половинчатого

положения России было именно то, что подметили славянофилы, а именно — большие массы народа еще не были вовлечены цивилизационно в западную культуру. Наступило время взяться за дело.

Как славянофилы, так и западники в принципе являлись своего рода оппозиционными движениями, т. к. у них имелись политические идеи и программы. Подобного рода вопросы официально относились к компетенции только самодержца, который был вне критики. Дело касалось также памяти Петра Великого, монарха, к которому славянофилы относились без особого почтения. В силу этого их первоначально считали подозрительными элементами, и некоторым из них даже довелось недолгое время провести в тюрьме. Оба течения заверяли всех в своей любви к России: славянофилы относились к ней как к матери, западники — как к дитяти.

Николай Рязановский написал прекрасную книгу об образе Петра Великого в разные периоды истории России. Отношение к титаническому труду Петра дает полное представление о культуре того времени. Для охваченных народным романтизмом славянофилов Петр был историческим вредителем, для западников — титаном. С точки зрения соседей России Петр был завоевателем, который расширил сферу влияния России и сделал страну фактором военной силы и угрозой Европе. Оказавшиеся в сфере влияния России страны могли, однако, заметить, что для них наиболее опасным течением являлось славянофильство, которое было склонно любоваться всем русским и принижать западную культуру. Во времена Александра II, благодарная память о котором сохранилась в памяти финнов, Россия стала целеустремленно поворачиваться к Западу и стремилась модернизировать свое общество. Славянофилы в этот период имели политическое значение, но, с точки зрения Финляндии, оно не было решающим. Реакция времен Александра III была обусловлена скорее реальными политическими факторами, чем славянофильством, хотя финские газеты обвиняли именно славянофилов и «панславистов» в недружественных нападках на Великое княжество. Эти обвинения в целом отвергались. Только Николай II чувствовал себя хорошо среди славянофильских символов, появляясь на публике в средневековой русской одежде и собирая при дворе религиозных мистиков, наиболее известным из которых был Распутин. Парадоксально, но самым упорным защитником его самодержавия и подлинного русского начала была императрица Александра, немецкая принцесса по происхождению.

Финны подозревали, что самым большим их врагом является обер-прокурор Святейшего Синода, воспитатель наследника трона Константин Петрович Победоносцев, который в действительности был консервативным бюрократом. Среди подобных ему людей редко можно было найти человека, столь хорошо знающего английскую и французскую культуру, помимо прочего интересующегося философией истории Томаса Карлайла. Хотя он, без сомнений, поддерживал урезание прав меньшинств, он в этом не руководствовался славянофильскими идеями. Напротив, он, как представляется, просто верил в то, что историческое развитие должно быть органичным, тихим и медленным. Для прав евреев, староверов и других меньшинств он не видел исторического оправдания или перспектив будущего.

Значение национальных меньшинств для России представляло собой реальную проблему, которая не была разрешима одним только философствованием, хотя и оно могло иметь в этом деле значение. К славянофильской традиции вообще причисляют Николая Данилевского, предшественника Освальда Шпенглера как предсказателя крушения Запада, который в 1869 г. опубликовал книгу «Россия и Европа». Как Победоносцев, Катков и Достоевский, так и Данилевский в молодости подпал под власть радикальных идей, но позже отказался от них. Данилевский отошел от славянофильской традиции, будучи еще более радикально настроенным, чем начавшие в 1830-х гг. великий спор его первые представители. По мнению Данилевского, Россия никогда не объединится с Европой. Русская и европейская цивилизации представляют собой совершенно не похожие друг от друга культуры, основанные на непримиримых принципах. Философ рассматривал культуры как растения. Если существом России является береза, не стоит пытаться растить тополя. Предвосхищая Шпенглера, Данилевский также уподоблял жизнь цивилизаций процессу прорастания, роста и увядания растений. Россия находилась в том счастливом положении, что она была еще молодой, тогда как Европа клонилась к своему концу. Данилевский в этом умозаключении был един во взглядах со своими предшественниками XIX в., мысль о молодости российской культуры входит в арсенал идей романтических патриотов почти два столетия. Ее можно встретить у Достоевского, она прослеживается у апокалиптиков Серебряного века, у Льва Гумилева в 1990-е гг. и даже в 2010 г. у президента Медведева, хотя его ни в коем случае нельзя причислять к славянофилам.

Во всяком случае, Данилевский был настойчивым защитником самоценности русской культуры. По его мнению, русские были одним из редких народов, имеющих собственный культурно-исторический тип. Поскольку у финнов, как и у других малых народов, не было возможности создать собственный культурно-исторический тип, лучшей альтернативой для них было играть вспомогательную роль, быть «этнографическим материалом» для русской нации. По свидетельству истории финские народы не принадлежали к числу создающих государство народов, хотя в некотором смысле они по своей природе относились к таким народам, у которых имелась к этому способность. Согласно истолкованию Данилевского, Россия даже не захватывала Финляндию, но приняла финнов под свою доброжелательную защиту, т. к. финского государства не было и не могло быть. Финны, в соответствии с этой точкой зрения, никогда не жили «исторической жизнью». В случае с финнами альтернативой было владычество или России, или Швеции. Финны могли преуспеть, оказавшись в Российской империи, в которой у них имелись возможности сохранить этнографическую самостоятельность. Швеция, как малая страна, была бы вынуждена ассимилировать свое меньшинство.

Данилевский, поддерживавший обособленность от Запада и патриотический фанатизм, сам по себе не был человеком влиятельным. Однако он не был одинок, в конце XIX столетия шовинистические идеи, по-разному обосновывавшиеся, находили отклик по всей Европе. В России они угрожали положению Финляндии, которая, без сомнения, была некой аномалией на государственной карте, неким династическим реликтом наподобие Австро-Венгрии. Славянофильская идеология, которая по своим принципам не была агрессивной, в принципе, не предлагала утнеть Финляндию или другие страны. Ее основное отрицательное значение, пожалуй, заключалось в том, что она, особенно у Данилевского, предлагала рассматривать отношения между народами как игру с нулевым итогом. В отличие от ранних славянофилов (а позже, между прочим, от Достоевского), Данилевский не говорил о Европе как о территории великих памятников и святых чудес, которая была мила для русской души. Напротив, она рассматривалась как враждебный и чуждый элемент. Используемое позже нацистами понятие *artfremd*¹ также отражает это отношение.

¹ Т. е. чуждый, не принадлежащий к господствующей расе.

В общем и целом, отголоски чаадаевского выстрела обнажили скрытую раздвоенность в русской среде. Свое и традиционное — близко и любимо для русских, как и для всех других народов. То, как собственный народ относится к другим народам, является проблемой для тех, чья идентичность слаба. В России, как и везде, есть известное число людей, у которых имеется потребность ставить себя выше других только на том основании, что те не принадлежат к определенному народу. Нередко эта позиция является реакцией на пренебрежение, которое проявляют другие народы. Однако это способно усиливать силу действительной или воображаемой травмы. Это явление известно повсюду или почти повсюду. Для Финляндии русский шовинизм стал угрозой в конце XIX — начале XX в. Это время повсюду было временем подъема масс и империализма, расовые идеи входили в привычный дискурс культуры. В Западной Европе ситуация изменилась после Второй мировой войны, но окопавшаяся за железным занавесом Россия осталась вне этого процесса.

После краха Советского Союза Россия восстановила связь с европейской цивилизацией только после семидесятилетней паузы, когда культура пыталась одновременно продолжать былую историю и находиться вне ее, в соответствии с тем процессом, который в западном мире длился десятки лет. Она присоединялась к этой культуре, но пришла туда извне и в этой «несовременности», пожалуй, самый значительный отличительный штрих современной российской культуры и этим она вызывает особый интерес. Образно говоря, пистолет Чаадаева все еще дымит...

Пушкин как символ России

Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. Пушкин был поэтом и писателем, который зарабатывал своим творчеством. Был ли он профессиональным писателем? Для русского уха этот термин в применении к Пушкину воспринимался бы как оскорбление и принижение его таланта. Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо.

Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает

в суровых местах обитания высочайшего мира, но при этом остается среди обычных людей — русских. Дар, талант неизменно вызывает в России интерес, но пусть остережется кто-нибудь сказать русскому, что Пушкин был (только) талантом.

Пушкин символизировал собой те нравственные элементы справедливости и мятежности, то сострадание к жертвам деспотии, которые являются долгом каждого русского интеллигента. Но, с другой стороны, он представляет также высочайшую радость жизни, дружбу, страсть молодости и оптимизм, поразительную одаренность.

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *ней!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Пушкин доказывает, что человек действительно может быть в контакте с высшими сферами, но при этом он остается исключительно человеком, который бросает свои гениальные дерзости тем, кого не ценит, и пишет веселые пародии на библейские темы.

Пушкин — это сила природы и при этом денди своего просвещенного времени. Влекомый немеркнущим очарованием противоположного пола, он создавал потрясающие стихи, но также отдавал должное и телесной любви.

Как немцы из Гёте, так русские создали из Пушкина не сравнимого ни с кем гения, у которого имелись свои слабости, но была и удивительная сила. Гёте иронически писал о себе: *Das ist fürwahr ein Mensch gewesen* — «Воистину он человек!» Современные немцы давно позабыли об иронии, первоначально присутствовавшей в этой строфе, и считают Гёте человеческой вершиной. Схожее произошло у русских с Пушкиным, что нашло выражение в лаконической фразе «Пушкин — наше всё!»

Притяжательное местоимение здесь не случайно. Пушкин даже из русских — самый русский. Русские все еще продолжают с рвением размышлять над тем, что поэт подразумевал, когда писал в «Евгении Онегине» о Татьяне, что та:

... (русская душою,
Сама не зная почему)

С ее холодной красою
Любила русскую зиму.

В качестве предположения можно сказать, что если сам Пушкин создал Татьяну как идеальный образ русской женщины, то тогда его повествование определенно содержит в себе глубокое знание того, что есть русский человек, о той тайне, которую каждое новое поколение стремится раскрыть.

Глубокое символическое значение всегда видели в том, что Пушкина, русского гения, убил иностранный франт, хладнокровно и нелепо. То, что находившийся на вершине своей творческой силы поэт сам вызвал на дуэль этого французского мерзавца, в глазах русского совсем ничего не значит. Француз д'Антес, вероломный распутник и поверхностная посредственность, приобретает в русской национальной мифологии прямо сатанинские масштабы. Это произошло уже после судьбоносной дуэли, когда другой поэт — Лермонтов, также вскоре павший на дуэли, облек свои чувства в стихи.

Борис Ельцин, который обладал чем угодно, но только не художественным интеллектом, бросил на торжествах по случаю 200-летней годовщины рождения поэта эту крылатую фразу — *Пушкин — наше всё!* Едва ли он был признанным в России пушкинистом, который предлагает поклонникам огромное количество материалов о жизни, творчестве и смерти героя. Несмотря на это, совершенно очевидно, что даже Ельцин в какой-то период своей жизни учил своего Пушкина, чтобы цитировать его на публике. Иначе было бы уместно включить его в число тех варваров и остолопов, к которым русские относят менее всего заслуживающих уважения людей.

Было бы затруднительно представить, что Пушкин может быть свергнут со своего пьедестала. Тогда русская культура лишилась бы того, что составляет ее суть уже почти два столетия. Непочтительного обращения избежал даже Андрей Синявский в своей книге «Прогулки с Пушкиным». Да, Синявский отнесся к своим землякам исключительно жестко и оказался одним из символических козлов отпущения новых патриотов. Пушкин ведь для русского не просто человек, а именно русский гений. Именно он высоко поднял стяг независимой творческой силы в то время, когда самодержавие подавляло любую свободную мысль. Гениальность Пушкина была, однако, единственной в своем роде, сам царь не мог воздействовать на нее, хотя и пытался возложить на себя обязанности цензора поэта. Пушкин стал идеалом русского интеллигента — недостижимым

идеалом. Российская *интеллигенция*, которая стала зарождаться во времена Пушкина, провозгласила культ мятежа, который заманивал в свой круг большое число бездарностей. Отчасти стремились использовать славу Пушкина, хотя никто не осмеливался примеривать его плащ.

В биографии Пушкина есть и другой факт, который, по мнению многих, имел собственное, очень большое значение. Пушкин по своему происхождению не был чистокровным русским, его дедом был Ганнибал — арап Петра Великого. Славянофилы рассматривали эту расовую смесь как доказательство врожденной терпимости российского народа и безразличия в этнических и расовых вопросах: в Америке Пушкин не смог бы жениться на дочери даже белого мясника. В России его почитали повсюду — от императорского двора до глухой деревни, от Петербурга до побережья Тихого океана.

А что касается темы «Пушкин и Финляндия»... Бесспорно, ею очень интересовались, и у поэта легко найти пару упоминаний о финнах, а кроме этого — несколько туманных намеков, и это все.

Разумеется, Пушкин знал финнов. Чухонцы приходили с Карельского перешейка и из более отдаленных мест продавать продукты у невских берегов. Понятно, что особого интереса у воспитанника петербургских дворцов, входившего в круг светских львов, они не вызывали. Финны были для него «печальными пасынками природы», которые забрасывали жалкие сети в воды Невы до того как повелением Петра на эти бедные берега пришла цивилизация. Финский язык был одним из тех языков на краю цивилизационного мира, на который, как верил поэт, его творения в будущем будут переведены.

Как бы то ни было, но тема «Пушкин и Финляндия» — периферийная. Она настолько же периферийна, насколько Финляндия была периферийна для мира Пушкина. Для Пушкина граница в направлении Финляндии едва ли проходила по реке Сестре. Напротив, более чем очевидно, что она проходила между т. н. большим миром и провинциальностью. Финляндия представляла собой последнюю.

Перед гением Пушкина склонялись даже в период сталинского деспотизма. Случилось так, что апогей большого террора пришелся на 1937 г., когда праздновалось 200-летие со дня смерти Пушкина. Так как высокое искусство было тем, чему отдавал должное даже Сталин, вся культурная элита попыталась найти защиту у Пушкина. Никогда ранее торжества в честь поэта не приоб-